

Н.С. Боева

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

НАТАЛИЯ БОЕВА: «СТАТЬ ПЕРЕВОДЧИКОМ»

Разговор Наталии Боевой с редактором «Вестника ВоГУ» Людмилой Егоровой о поэзии и поэтической традиции, проблеме восприятия, биографических моментах и книге «Знак улитки».

Наталия Боева, современная поэзия, Вологда.

Л. Е. Мне кажется, в последнее время Вы несколько отошли от литературного процесса?

Н. Б. Так оказалось, что руководство музеем требует от меня предела моего эмоционального ресурса.

Л. Е. Догадываюсь, насколько это энергозатратно – быть заведующим обособленным подразделением «Музей кружева». Все же стихи берут свое?

Н. Б. Стихи и работа если и связаны между собой, то лишь косвенно. Для меня это разные стороны жизни, разные ее части. Но людям нравится все «смешать и взбалтывать». К тому моменту, как вышла книжка «Знак улитки», я уже лет пять работала в музее и, кажется, мне уже тогда предложили занять место заведующего Музеем кружева.

Знаете, что странно? В вологодской прессе знакомые журналисты зачем-то написали: «Музей кружева возглавит поэтесса». Звучало до обидного нелепо: то ли я настолько хорошо там стихи прочла, что мне доверили руководить музеем, то ли стихи мои все до единого о кружеве, то ли вообще уже кандидатов не осталось, так пускай хоть поэтесса поруководит. И за пять лет работы в музее я много чего делала: участвовала в процессе подготовки Музея кружева к открытию, работала с материалами выставок и вместе с коллегами вывозила их всюду от Кичменгского Городка до стран Европы. И ни разу не читала на работе стихи. Потому что поэтические мои достижения и рабочие задачи никак не связаны между собой.

Л. Е. Вы столь эффектны, что привлекаете внимание и без упоминаний о поэзии, но журналистам, наверное, такая формулировка представляется неотразимее.

Н. Б. Работа – это удобная отговорка, уважительная причина, чтобы не писать. На самом деле, это только часть правды. Работы много, да. В последние четыре года она отнимает очень много времени, но помимо этого есть нежелание говорить. Потерялся где-то смысл написания стихов для публичного прочтения. В последние годы у меня от любого скопления людей реального или виртуального возникает стойкое ощущение шума. Там все говорят. Одновременно, с равной громкостью и каждый о своем. Но никто никого не слушает. Герой Макса Фриша в «Номо faber» это выразил очень хорошо: «И вообще зачем мы разговариваем друг с другом, – кричал я, –

зачем, хотел бы я знать (я сам слышал, как кричал), и зачем мы все собрались вместе, если можно умереть и никто из вас этого не заметит?...»

Меня волнует вопрос «зачем?» и волнует проблема проговаривания и восприятия в целом. Например, я говорю «собака бежит», и один человек слышит: «такса бежит за мячиком», а второй – «волкодав бежит на меня». А я остаюсь в ужасе от последствий сказанного: я всего этого не имела в виду, я всего лишь сказала «собака» – просто собака, абстрактная собака, собака в целом – и она просто быстро движется. Это сказывается на лирическом герое, он замыкается и в итоге «отрекается от языка»:

*и она понимает: в жизни много всякой простой и сложной фигни,
все люди разные, у каждого свой язык,
поэтому ни один не может другого понять,
нужно выдумать главное слово
и о нем молчать.*

(стихотворение «Стать переводчиком», 2015)

Или так:

*о хорошем
и о плохом
рассказать бы кому,
но нет звуков таких для неё
в языках человечьем,
зверином
и птичьем.
она ходит вокруг да около
и высматривает тайком
понимающего безмолвные речи.
забываясь, с людьми иногда говорит
языками звериным и птичьим:
о какой-то неведомой боли мычит
и о чём-то так звонко щебечет.
но о чём её сердце цветёт,
этот аленький пустоцвет?
...о хорошем и о плохом
нужных звуков на свете нет.
замолчи.
(2016)*

Л. Е. Не хотелось бы «замолчания». А других Вы читаете?

Н. Б. Других читаю, но все реже. Раньше я была готова читать все: хорошие стихи, не очень хорошие стихи. Потом поняла, что перестала дочитывать стих до конца, если он не тронул меня. Потом заметила, что редко какой стих во мне отзывается так, что потом долго-долго звучит внутри. От этого стало грустно. Вряд ли дело в стихах. Скорее, поменялась я сама и мое восприятие поэтического текста. Перестала ходить на фестивали, из-за страха, что вызовут прочитать. Такое пару раз происходило: я приходила послушать, а меня вызывали «к доске». Как в школе, когда ты не выучил, но нужно идти и позориться перед всем классом.

Л. Е. Понимаю. Как понимаю и то, что «позор» для Вас – недостижимое для других.

Простите, задам личный вопрос. Где-то видела, что «Плюсовая поэзия» помогла встретиться с будущим мужем. Расскажите. И замужество как-то соотносится с писанием – не писанием?

Н. Б. Замужество опять же очень косвенно связано с литературой. История знакомства – это очень милая история, правда.

Это как раз был тот год, когда на фестиваль приехал Алексей Алехин и когда в «Томе писателей» вышла моя книжка.

«Плюсовая поэзия» 2015

Я пришла в зал бывшей картинной галереи (нынешний Воскресенский собор) впритык к самому началу и очень старалась быть как можно незаметнее: нервничала из-за книжки и поэтому не хотела ни с кем разговаривать. Но Виктора я сразу заметила. Он пришел почти одновременно со мной и выгодно выделялся на общем фоне тем, что имел вид абсолютно нормального человека. Поясню, что именно имею в виду под «абсолютно нормальным». Обычно мужчины в поэтической тусовке имеют вид либо «юноши бледного со взором горящим», либо, наоборот, – неформальный: слегка потрепанный, усталый и подпитой. Так вот Виктор выглядел абсолютно нормальным «нездешним» человеком, как будто он шел, скажем, на встречу с друзьями, но внезапно очутился в зале и напряженно слушает теперь Алехина, сам немного

удивляясь, как же так получилось. Взглянув на него, я подумала: «А он-то как сюда попал?»

Как позже выяснилось, я имела вид человека не вполне обычного. В том смысле, вероятно, что в тот год у меня отрастал дивный «ежик» после стрижки «полубокс» на 6 миллиметров. К этому прилагалось нежное белое платьице. Муж позже сказал, вспоминая этот день: «Я вообще не знал, что такие <девушки> бывают».

После выступления Алехина я сбежала очень быстро. Будущий муж меня тогда так и не поймал, чтобы познакомиться. Потом приходил на разные мероприятия фестиваля в надежде еще раз меня увидеть. А я как раз на эти мероприятия не приходила. В общем, где-то через пару дней ситуацию спасла фотография в группе фестиваля, где меня запечатлели за чтением стихов на презентации своей книжки.

А больше замужество мое с литературой никак не связано. Поженились мы года через два. И почему-то многие знакомые сильно изумились самому факту моего замужества, хотя и не смогли внятно объяснить, что именно их так потрясло. Наверное, в их представлении я должна была создать какую-то «поэтическую» ячейку общества. Но мне как раз кажется, что все правильно. Он умеет то, чего я не могу. Мне очень нравится умение мужа воплощать, то есть придавать вполне конкретную физическую форму замыслам. Например, я могу выдумать красивый торт, а он может его приготовить. Он делает мебель своими руками: мы вместе придумываем шкаф, который должен быть и книжным шкафом, и домом для котов, а потом он что-то делает (для меня совершенно волшебное: какие-то замеры, доски, стружка, пилы), и вот уже у котов есть трехэтажный дворец, на крыше которого стоят книги. Вот это – классно, а стихи... их я и сама могу написать.

*я росла на улице космонавта беляева
такая и выросла, мама, –
катастрофическая, как взрыв сверхновой.
так мне и кажется иногда, мама:
я подвешена в бесконечности,
а вокруг – ничего живого:
космос, звёзды и чёрные дыры*

*безопасней было бы на улице трактористов, колхозной
или на мира, тоже неплохо:
поступила бы в училище,
получила профессию,
зажила по-людски*

*ещё лучше на улице детской –
я прошу тебя, может ещё не поздно,
давай переждем.*

Л. Е. Поздно. Космос – Ваше.

Вы знаете, мне всегда хочется узнать о детстве.

Н. Б. Воспоминаний о детстве очень много, и они все для меня важные: все эти люди, лица, события. Я, например, побоялась бы тронуть тему походов на кладбище с бабушкой. Хотя она очень глубинная: там смерть воспринималась как горькая, но часть жизни. На кладбище ходили, по сути, как в гости. Я сейчас начинаю это осмысливать «по-взрослому», а тогда это

было ритуалом – странным, но – чувствовалось – очень важным. Причем, ритуал этот существовал только в Лисках.

Л. Е. Лиски?

Н. Б. Городок в Воронежской области. Мои родители родом оттуда, из Центрального Черноземья, и фактически в нашей семье я первая, кто родился в Вологде. Ритуал относился к тому «вечнолетнему» миру. Меня приводили в гости к мертвым, их со мной знакомили: «Здравствуй, Тима! – говорила бабушка деду, которого я не застала. – Вот я к тебе пришла, со мной внучка твоя, Наташа». Меня обозначали как часть рода – я оказывалась под их вечным присмотром и покровительством. Мертвые были с нами всегда незримо: предостерегали, оберегали, сердились. Как живые, но незримые. Это большая и сложная тема, она сейчас уходит из современной культуры, ее принято избегать, замалчивать. Но, как поет «Сплин», «За чай, который был приправлен медом, За песню, что кружит нас хороводом, Я благодарен всем: живым и мертвым». Вот и для меня детство – это такой клубок: мне надо много времени, чтоб его распутать.

Л. Е. Счастливое?

Н. Б. Детство вспоминается как один из самых счастливых, наполненных периодов в жизни. В семье я была младшим, любимым ребенком. Такая правильная картинка счастливого детства: мама, папа, старший брат, бабушки и дед. Особенно много времени я проводила с бабушкой Леной, маминой мамой. Когда я только родилась, бабушка оставила дом и приехала в Вологду, чтобы помогать маме. С тех пор и до самой бабушкиной смерти в 2000 году мы с ней не расставались дольше, чем на месяц. Лето у бабушки в городке Лиски – самые солнечные, самые яркие и абсолютно мифологизированные воспоминания. Это был целый мир, совершенно непохожий на жизнь в Вологде. В моей памяти Лиски – город вечного лета, я ни разу не видела его зимой. Только солнце, летние грозы, походы на озеро Богатое и поездки на Дон, а потом докрасна сгоревшая кожа, а еще блестящие рельсы и поезда прямо за домом, плавающий от жары асфальт...

Л. Е. А бабушка?

Н. Б. Бабушка и ее таинственный мир – с песнями, присказками, рассказами о войне, колдунами, живущими среди нас: «Баба Ганна – ведьма, это она нам ножницы в забор воткнула». Бабушкины соседки с певучими именами (Лукиша, Паша, Груша, Параня, Нюра) и смешными подворьями (Рыжманка, Комарица, Гусиха, Карасиха). Люди, говорившие на суржике – смеси русского и украинского языков. Оттуда, из этого мира, я росла корнями, как деревце.

*как бы я ни провела лето,
в сочинениях всегда писала
целый список
неживых, но спасительных фраз:
«ездить в деревню», «купаться в реке»,
«ходить в лес, собирать грибы и ягоды»,
но не было леса,
а только блестящие рельсы,
и мы были дети,
мы собирали мазут, обрывали мятлики,
растирали в ладонях болиголов и полынь,*

*руки пахли травой,
каждый был себе сам и лесом, и речкой и солнцем,
но мы были слишком малы,
и не было слов,
чтоб объяснить непонятливой нашей училке,
как ослепительно,
остро – ну, словно, осокой порезался,
так оно брызгалось, теплое лето внутри
...*

Дома считалось, что я «папин хвостик», – папа очень много возился со мной: водил в театр, в музей, в библиотеку, учил читать, ходил со мной на курсы английского перед школой. Зимой мы ходили гулять на Шограш, туда, где (на месте нынешнего спортивно-концертного комплекса) во времена моего дошкольного детства была еще деревушка. Любимым занятием было «мерить сугробы»: высота сугроба замерялась длинной палкой, а особенно высокие сугробы замерялись папой (он высокого роста). Под конец прогулки папа по моему заказу рисовал на снегу картинки: смешных человечков, зверюшек, птиц. Он написал об этом очень трогательное стихотворение, которое до сих пор помню наизусть:

*На снегу я рисую картинки –
Дом, машина, плывет пароход.
Здесь и зайка бежит по тропинке,
И веселый цветов хоровод.*

*Снеговик появился курносый,
Человечек в полоску – матрос!
Ты без устали сыплешь вопросы:
Где Снегурка? А где Дед Мороз?*

*Разрисуем волшебною вицей
Белоснежных ковров полотно!
Дед Мороз опустил нам ресницы,
Разбросав серебра волокно.*

*Светят счастьем глаза у девчонки,
Звонкий смех, беззаботный народ...
Над сугробом летит собачонка
И веселый цветов хоровод.*

Весной, когда Шограш разливался, мы мастерили кораблики из веток и щепок, найденных на берегу, и папа рассказывал об устройстве мира: о том, что ручей впадает в реку, река – в море, а все моря связаны с мировым океаном. То есть у корабликов наших выстраивалась перспектива: непременно доплыть до океана.

Именно папа научил меня любить и чувствовать поэзию. Он и сам писал и пишет стихи, и когда года в четыре я научилась рифмовать слова, он очень серьезно записывал мои «стихи» в отдельную записную книжку: хвалил меня, если все было правильно. А если стишок был совсем уж из разряда «пакля-рвакля», он объяснял, что именно не так.

*а когда тебе шесть, ты не думаешь, что тебя ждет,
у тебя все есть,
у тебя здесь бабушка, яблоки, дом... самолет
пролетает над домом, оставляя облачный след,
длинный-предлинный, как линия жизни,
исчезающий постепенно.*

*запрокинув голову, ты стоишь. день бесконечный – идёт.
скоро папа придет, он красивый и молодой,
он знает все чудеса мира, всех диковинных птиц и зверей,
вот, скажет, есть, например, птица солнца, золотая
иволга,
но она прилетает лишь к тем, кто любим,
и поет только им свои песни...*

Когда мама прочитала этот текст, она немного расстроено сказала: «И бабушка у тебя здесь, и папа, как будто мамы нет». Но мама всегда была и есть. Мама маленькая, быстрая и хлопотливая, переживательная. Она всегда много работала. Они у меня оба инженеры пищевого производства: и мама, и папа. Маме досталась, по сути, мужская профессия: сначала инженер-механик, потом главный механик, потом и вовсе заместитель генерального директора по техническим вопросам. Сейчас понимаю, что я выросла во многом на нее похожей, особенно в вопросах работы и бытовых моментах. То есть очень ответственной в том, что касается работы, и здоровым пофигизмом в вопросах быта. Сейчас, в зрелом возрасте, сравнивая уклад своей семьи с семьями родных и друзей, удивляюсь и с уважением отношусь к здоровой маминой установке: работа по дому делилась на всех. Никакого фанатизма в домашних делах: чем драить пол до зеркального блеска, лучше проводить время вместе с семьей. И, в конце концов, если ты тот самый человек, которого сильно беспокоит пыль на комод, то возьми тряпку и вытри пыль молча.

Читать я научилась быстро, еще до школы. В детстве мама часто просила меня: «Почитай мне книжку, пока я буду готовить ужин, чтобы мне было нескучно». Маленькая хитрость, но такая важная для меня – я читала старательно, выразительно, чтобы маме было интересно. Когда стала немного постарше, начала выбирать книжки с теми сказками, которые мама не читала в детстве: ведь ей неинтересно слушать историю, если она знает, чем все закончится. Эта привычка сохранилась надолго – в старших классах, когда мы уже вместе с мамой возились на кухне, я читала ей наизусть стихи, которые мне нравились. Мама всегда слушает внимательно и реагирует очень живо.

И еще брат. У ребенка, наверное, должен быть свой герой, на которого хочется стать похожим. Так вот у меня им был старший брат. Миша старше меня на 10 лет. Он в детстве казался мне самым веселым, умным, смелым, сильным – в общем, с полным набором необходимых героических качеств. С Мишей можно было играть в самые интересные игры: большая комната на полдня превращалась в прерию, где с одной стороны в деревянном «форте», сложенном из деревянных палочек от эскимо, расположились бледнолицые захватчики, а с другой – в своих типи – индейское племя. Маме всегда – неизбежно – надо было заземлить пересечь комнату: достать белье из шкафа, полить цветы. И также неизбежно она задевала и переворачивала фигурки ковбоев и индейцев, маленькое каноэ и даже иногда форт. Она смеялась, говорила: «Это торнадо». Тогда стороны на время заключали мир: чинили лодки, лечили пострадавших – до нового торнадо.

С Мишей было весело: «А давай возьмем твоих хомяков и выведем на прогулку во двор, им же интересно!» – и через полчаса хомяки шуршат в осенних листьях, а мы наблюдаем за их передвижениями с деревянной горки.

Мне нравилось смотреть, как Миша делает уроки: непонятные слова «география», «химия». Он учил немецкий – меня заинтересовали странные слова, которые значили то же, что и русские, а звучали по-другому.

Наверное, тогда у родителей, заметивших, что я повторяю немецкие слова за братом, появилась идея отдать меня в ДК на кружок английского (так получилось случайно, просто для дошкольников был только английский). Мне нравилось, слова запоминались легко. Меня только, помню, ужасно волновало, было непонятно и хотелось послушать «изнутри чужой головы» – вот как англичане думают на английском, не вспоминают перевод, а прямо так сразу по-английски думают?!

Л. Е. А как Вы пишете?

Н. Б. Я тот автор, который не анализирует свои тексты, не редактирует их. Я просто говорю о том, о чем мне хочется сказать. Если текст получается плохим – я никогда к нему не возвращаюсь. Меня за это, помню, ругала Галина Александровна Щекина: за то, что я не редактирую текст после того, как он написан.

Но я редактирую текст уже когда пишу: я подбираю слова, я переставляю строки, находясь «в потоке», в процессе написания. Если текст записан, то, значит, «поток» уже ушел, все сказано и, более того, все сказанное записано. Пытаться теперь переделать – все равно, что махать кулаками после драки, – бессмысленно. Можно только перечитать и решить: оставить или выкинуть.

Л. Е. Расскажите о Галине Александровне.

Н. Б. Знакомство с ней стало важной вехой. Это произошло, кажется, в 2007 году. Университет я тогда уже окончила и какое-то время работала в «Северной Фиваиде», в приемной. Стихи писала пачками, некуда было деться от этих стихов. Периодически я что-то выкладывала в своем Живом Журнале или – реже – на Стихи.ру. Я знала стихи Наты Сучковой и Антона Черного, Даниила Файзова. Была знакома лично, и то благодаря ЖЖ, лишь с прекрасной Женей Малиновской. В теории я знала и кто такая Галина Щекина, правда, лично ее никогда не встречала.

Но так сложилось, что Галина Александровна как раз работала в «Северной Фиваиде» в то же время, что и я. И вот однажды в приемную, где сидела я, зашла женщина с кучей документов, которые необходимо было отсканировать и подшить в личное дело. Сказала: «Я Щекина», и, как у Блока, «сейчас же стало казаться, что в моей большой комнате слишком мало места», началось движение, мы принялись копировать документы, ксерокс заглох, Галина Александровна, всплеснув руками, сообщила, что вечно рядом с ней ломается вся техника. А потом в какой-то момент она вдруг спросила меня: «А правда, что Вы человек пишущий?» Оказывается, ей кто-то сказал, возможно, коллеги. Ксерокс снова умер, и, пока его воскрешали, Галина Александровна убедилась, что можно принести свои стихи на Лито, которое тогда собира-

лось все в той же «Фиваиде». А когда меня обсуждали, Галина Александровна сразу же сообщила, что я «уже сложившийся автор». Потом я то ходила на Лито, то не ходила на Лито, не всегда мы с Галиной Александровной совпадали во мнениях, спорили и даже ссорились, но точно могу сказать: с Галины Александровны началось и закрутилось мое существование в литературном мире Вологды.

Наши с ней взаимоотношения складывались всегда как-то странно и неровно, но для меня Галина Александровна – человек большого сердца. Меня восхищает ее искренний интерес к каждому автору, желание его раскрыть, вытащить на свет Божий, даже если автор пищит и сопротивляется (а чаще всего он именно так и делает). Я, честно, считаю, что это особый героизм, на который не многие способны. Мне даже сложно описать, до какой степени меня это восхищает: такая сила эмоций, способность каждого пропустить через себя, удивляться, расстраиваться, ругать, прощать, восторгаться. Мне, например, не хватило бы жизненных сил. А Щекиной – хватает.

Л. Е. Спасибо. Вы читали мое вступление. Возможно, я поинтересуюсь Вашим ощущением, почему Вы казались Галине Щекиной японской поэтессой?

Н. Б. На самом деле, это скорее забавный момент, который отражает некое субъективное представление о «японском» в нашей культуре. Современной молодежи это свойственно в меньшей степени, а вот старшему поколению – несомненно. О японцах мало кто знает что-то наверняка, мало кто вникает в тонкости сложной японской культуры. То, что определенно каждый знает про японцев: они какие-то «другие» или еще «странные», «сложные». Я думаю, в этом причина такого внезапного образа от Галины Александровны. Я несколько раз еще слышала в свой адрес по поводу внешности «ты похожа на японку», – это когда я ходила с черными волосами и геометрической стрижкой «каре». Скорее всего, напоминала куклу «кокеши», а может, какой-то персонаж из аниме. И «ты похожа на Хакамаду», когда ходила с короткой стрижкой «перьями». Забавное совпадение, но мой старший брат очень увлечен японской культурой, особенно философией айкидо. Я, конечно, в свое время «поднахваталась» от него. Но в моей поэзии нет ничего японского, это совершенно точно.

Л. Е. А по поводу смущения Галины, что стихи свободной формы?

Н. Б. Никогда не смущала меня форма моих стихов. Я вообще думаю, что форма вторична: ее назначение как можно лучше и точнее передавать содержание. Мой переход к этой форме стиха не был осознанным, задуманным. Просто чувствовала, что было точнее и правильнее строить текст именно таким образом, отталкиваясь от собственного внутреннего ритма высказывания. Проблема не в том, что рифмовать сложно или держать заданный ритм сложно, просто, по-моему, это необязательно, чтоб получился хороший поэтический текст. Суть поэзии вряд ли в рифме, можно изучить все виды рифм, можно укладывать строчки дактилями и амфибрахиями, но получить очень плохой стих в итоге. И это при всем соблюдении внешней формы. Я знаю эти споры вокруг верлибра. Воспринимаю их как «много шума из ниче-

го». Мне все равно, как что-либо сделано, если это сделано хорошо. Это, кстати, касается не только поэзии, но и работы, и быта. Неважно, как и где ты будешь выполнять рабочую задачу: днем или ночью, сидя на потолке или лежа на полу, бегая по кругу или сидя в позе лотоса, главное, чтоб в итоге работа была сделана и сделана хорошо.

Л. Е. Галине Александровне запала в душу запись голосов. Расскажите.

Н. Б. Да, было такое дивное событие. Так все сложилось удачно. Звукооператора зовут Дмитрий Водополов (в рок-тусовке его знают как Диму Мега-вольта), мы по сей день остаемся добрыми друзьями. Не знаю, как правильно объяснить, но этого удивительного в своем роде человека занимает звук, звучание само по себе. Я не раз замечала: для меня важно слово – под инструментальную музыку я чаще всего умираю от скуки, а он, наоборот, – мог часами клеить разные звуковые дорожки, сводить треки, сравнивать, переслушивать, советоваться, снова слушать, переделывать. И студия самопальная на Льнокомбинате была – он там записывал разные вологодские рок-группы. Меня опять же удивляло: все эти мальчики и девочки, отчаянно желающие творить, абсолютно были чужды поэзии, хотя и составляли какие-то тексты для своих песен (в основной массе дурацкие, дурацкие тексты). Я внутренне всегда недоумевала: почему так далеки друг от друга эти, казалось бы, родственные тусовки – музыкантов и поэтов.

И вот, когда на одном из собраний студии была озвучена смелая мечта – записать студийцев, я ее с радостью подхватила. Это была какая-никакая, но возможность соединить разные миры – звук и слово. Дмитрий записывал и сводил, а я подбирала мелодии, идущие фоном, говорила что-то «по ощущениям»: здесь надо тише, на этих словах – громче и так далее.

Мы потом еще как-то записывали «взрослых»: Нату Сучкову, Марию Маркову и других. Вроде, была мысль у Елены Волковой повторить диск «Утренних стихов», не знаю, получилось в итоге или нет. Но записи долго хранились у меня на старом компьютере.

Л. Е. Я тоже люблю слушать голос. А почему выходу книги сопротивлялись?

Н. Б. Мы совсем не совпали с Галиной Александровной во мнениях по поводу книги. Во-первых, я не хотела, чтобы книга выглядела как неразобранная куча стихов, а без серьезной редакторской работы все именно так и выглядело. На мой взгляд, нужно было либо выкинуть «лишнее», либо структурировать книгу так, чтобы все тексты работали на общую идею. Но сама я не могла тогда с этим справиться: я была слишком еще привязана к этим текстам, к каждому по-своему, но мне все они тогда были дороги. Галина Александровна говорила, что все тексты прекрасны и надо печатать все, что есть.

Я немного раздражалась. Не бывает абсолютно все прекрасно: есть тексты более слабые, есть тексты, которые выбиваются. Мне хотелось какого-то серьезного критического подхода к отбору материала.

Не совпали и в видении обложки. Мне не нужны были улитки. Ничего не имею против улиток, но «знак улитки» – это все-таки другое. Мне виделось

что-то простое и, может быть, неуклюжее. Я описывала это словом «загогулина». У меня были рисунки моей подруги Марии Егоровой, но Галине Александровне не нравилось то, что сделала Маша. И я решила ничего не делать. Ведь в конечном счете никому, кроме автора (ну, и еще пары-тройки человек), эта книга не нужна. А если автор недоволен процессом и результатом, то к чему вообще что-то затевать?

Л. Е. Читателей у Вас, конечно, больше, и я слышу и Вас, и Галину Александровну. И так, с обложкой к «Знаку улитки» [1] пришлось нелегко. Были, условно говоря, «прямые», «детские» улитки Галины Щеткиной, графика Марии Егоровой (мы в журнале потеряем цвета (черный – серый – фиолетовый), но дадим). Как пришли к финальной обложке?

Н. Б. Насколько мне помнится, выбор обложки был одним из трудных моментов работы над книгой. Хотя, наверное, вся книга была сплошным трудным моментом, но обложка – особенно.

К моменту выхода моей книжки у антологии уже был сложившийся дизайн, который мне невероятно нравился. Но, насколько я помню, для всех обложек были использованы фотографии самой Наты. И так получилось, что подходящей фотографии для «знака улитки» не было. Я теперь уже плохо помню, вероятно, были фотографии улиток, и, возможно, даже нашлись бы фотографии раковин. Но нужен был только знак. Был, кажется, вариант изменить название книги, но я отказывалась.

И Алексей Кириловский просто спас ситуацию. Я написала Леше, попросила помочь, объяснила, что бы мне хотелось видеть на фото. Он подумал-подумал и сделал пару прекрасных кадров, из которых мы в итоге и выбрали обложку*.

Л. Е. А названии?

Н. Б. Название очень близко к мироощущению лирического героя. Это сложный образ, за которым много чего скрывается.

В нашей жизни много знаков, мы встречаем их ежедневно, часто не замечая, не обращая внимания. Есть дорожные знаки, регулирующие движение, логотипы – значки разных фирм, тотемные знаки, символы, амулеты, наделяющие своего обладателя особыми качествами. И вот среди этого множества знаков есть знак улитки, выражающий стремление существовать внутри, в себе, закрываться в раковине от враждебного внешнего мира, «прятаться и скрываться». Наблюдать в первую очередь за собой, а потом уже из безопасного укрытия за другими.

Для меня улитка – слияние двух противоположных начал в одном существе: живое создание в твердом и мертвом панцире, слабое существо, построившее для себя самую прочную крепость, мужское и женское начала. Улитка – слияние противоречий, как, впрочем, и лирический герой.

И да, графически знак улитки – это форма ее раковины, спираль. Спираль раковины напоминает и бесконечность, и саму жизнь с ее временными отрезками.

* Я посмотрела историю нашей с ним переписки и поняла, что он нашел художественное решение буквально за 10 минут.

Или совсем просто – есть астрологические зодиакальные знаки, которые, как считается, определяют черты характера людей. Рождаются люди под знаками Льва, Рыб, Водолея. А этот герой – под знаком улитки. Такой и вырос. Как в стихотворении Ирины Шостаковской: «...улиточкой стану и буду улиточкой жить...»

А уже, исходя из названия, появились три раздела этой книги: «Внутри», «Снаружи» и «Движение», для каждого из них я старалась отобрать стихи, отражающие различные способы взаимодействия с миром и собой.

Л. Е. Ната участвовала в составлении?

Н. Б. Ната была для меня прекрасным редактором: она влияла на книгу минимально, и если вносила изменения, то только те, что шли на пользу книге. Она даже не очень торопила меня с подбором материала. Кажется, не выкинула ни одного стиха из той подборки, что я в итоге выслала. Я долго думала, как Кай с заколдованными льдинками, сидела со своими стихами. Самым простым было разделить на «внутри», «снаружи» и «движение». Дальше – сложнее: материала накопилось много, но книга не должна была стать перегруженной, но также она не должна быть слишком короткой.

Кроме того, внутри разделов мне также хотелось выстроить тексты так, чтобы перед читателем через отдельные стихи раскрывалась история лирического героя. Эта концепция не нашла возражений у редактора.

Отдельным пунктом шла работа корректора: необходимо было прийти к общему знаменателю по поводу знаков препинания в моих текстах. Ната предложила идеальный вариант, который и мне очень импонировал: там, где пунктуация задумывалась автором и (частично) присутствует – там мы ее проверяем. Ну, а там, где ее совсем нет – там и не будет.

Ната отредактировала слегка некоторые тексты: я заметила, что кое-где «ушли» отдельные слова. Но это никак не влияло на смысл, а если редактор считает, что текст от этого выигрывает при прочтении, то почему бы и нет.

Я знаю, что Натe не очень нравилось название книги, но она совершенно не настаивала на том, чтобы его менять. Мне казалось, что со мной вообще очень осторожно работали – как с бомбой: если перерезать не тот провод, то разнесет все вокруг. Хотя, может, это обманчивое чувство из-за того, что я сама очень нервно относилась к появлению книжки: до последнего сомневалась в ее необходимости и, кажется, в любой момент была готова передумать. Возможно, нервическое состояние автора сказывалось на всех, кто работал над книгой. А возможно, только на авторе и книге (улыбается).

Л. Е. Я правильно понимаю, что многие стихи были написаны еще в университете? Пересмотрела Вашу страницу на Стихи.ру. Первые стихи выложены в 2004, последние – в 2009; условно – университетские годы. Рада, что довелось встретиться в университете. Виновата, что мне не нравилось, когда Вы просыпали первую пару. Думаю, ложись Вы позже и спи дольше, было бы еще прекраснее, но – запоздалое раскаяние.

Н. Б. На портале Стихи.ру есть старая страница, заброшенная создателем как раз где-то после окончания университета. Просто дальнейший смысл вести эту страничку потерялся где-то в районе 2009 года.

Знаете, есть в Интернете такая забавная черно-белая картинка. На ней двое мальчиков играют в шашки, и один из них объясняет правила: «...а если твоя шашка доберется до последнего ряда, то она перейдет в дамки». А второй отвечает: «Но что потом? Один из нас победит? Мимолетная радость в глубоком, темном море существования. Я воздержусь».

Меня она очень веселит, потому что я немножко тот самый второй мальчик.

И это, кстати, связано с тем, почему я «просьпала» первую пару. И вторую, иногда еще и третью, а иногда и целый учебный день. Я просто задумывалась о предстоящем дне и – где-то теряла смысл. Могла проснуться, собраться в университет и... не пойти.

*когда отучаешься говорить
стираются лица
мир движется за стеклом
от него шархаешься испуганной рыбой*

Л. Е. Вспомнилась формулировка Андрея Пермякова относительно Вас/Вашей поэзии: «Отчетливо понятен собственный генезис, определены способы контакта с миром с использованием вариантов, наиболее безболезненных и для мира, и для себя» [2]. Вам понравилась концепция Андрея о «других взрослых»? Близки размышления о новой вологодской поэзии в лице Вас, Марии Суворовой, Лете Югай?

Н. Б. В рамках одной статьи трех столько разных авторов, несомненно, объединяет принадлежность к одному поколению. С Летой мы и вовсе одноклассницы. Маша, конечно, моложе, но, в принципе, поколение то же.

Что до инфантилизма, то Андрей определенно знает, о чем говорит. Я даже удивлена, с какой легкостью он опровергает инфантилизм моей поэтики. Я не в полной мере убеждена его словами, но мне сложно спорить с людьми, высказывающими свою точку зрения на мои стихи. Во-первых, я всегда благодарна: это ведь человек не поленился прочесть и понять. Во-вторых, мне это всегда интересно, и иногда это что-то новое объясняет мне самой. В-третьих, все мы по-разному воспринимаем суть вещей и явлений. Но, мне кажется, Пермяков, безусловно, прав, рассуждая именно на тему инфантильности и не. В моих текстах (и, пожалуй, во многих стихах Леты) определенно есть за что зацепиться и о чем поспорить именно в этом ключе. Стихи Марии в моем понимании, пожалуй, ближе всех к словосочетанию «другие взрослые», который использует Андрей Пермяков.

Л. Е. Давайте попробуем разобраться с Вашей поэтической традицией.

Н. Б. Никогда об этом не задумывалась. Я могу назвать вам поэтов, которые в разные периоды очень меня интересовали и волновали: наверное, они что-то дали мне в творческом плане.

1. Сергей Есенин – официально был назначен моим любимым поэтом в десятом классе. У нас класс был очень интересный, и любимого поэта надо было иметь – такой негласный «musthave». Все знали: у

Леты – Цветаева, у Алёны – Пастернак, у Полины – Бродский, а у Наташи – Есенин.

Л. Е. Извините. Лету Югай я знаю. Алёна и Полина – это не всем, кроме меня, известные поэты?

Н. Б. Просто мои одноклассницы (улыбается). Одна окончила наш иняз и уехала в Нидерланды, а вторая – МГУ и теперь психолог. Известный поэт у нас только Лета (улыбается).

2. Анатолий Мариенгоф – чуть позднее и из-за того, что его имя очень часто упоминалось в биографии Есенина периода имажинизма. Имажинизм в исполнении Есенина меня очаровал: «Мне нравится степей твоих медь / и пропахшая солью почва, / где луна, как жёлтый медведь / в мокрой траве ворочается» или «голова моя машет ушами как крыльями птица, / ей на шее ноги оставаться уж больше невмочь». Хотелось посмотреть, каков он в исполнении Мариенгофа. Тем более что биографы Есенина в основном Мариенгофа ругали. Мариенгоф мне местами даже очень понравился: «Здравствуйте! Здравствуйте! У вас в прорубях / глаз золотые рыбки, / а у меня, видите ли, сердца скворешник пуст»; «выньте безумия каучуковые челюсти / со лба снимите ремни экваторов, – / я ведь имею честь / лечиться у знаменитого психиатра»; «тридцать три переедешь моря, / а в сердце: / пепел / и маленькая Москва».

Л. Е. Мариенгоф, не исключаю, ощутиее.

А Ваше отношение к абсурдизму?

Н. Б. Абсурд как идея мне нравится, это близко к правде жизни. Но в литературе... читала Беккета – слишком тошнотворно становилось, слишком безысходно. Ионеско лишь немногим лучше. Сорокин не пошел. Лучше всех, пожалуй, Хармс: мне нравится его мрачно-веселый абсурд, особенно анекдоты про писателей. Я бы даже претворяла это в жизнь, например, в конце рабочего дня торжественно бы спускалась с парадной лестницы и объявляла: «Музей закрывается, нас всех тошнит». Останавливает то, что никто не поймет. Хармса читали не все, к тому же слишком многие относятся ко всему слишком всерьез.

Но вряд ли есть в моих текстах что-то хармсовское – это для меня недостижимый уровень. Да и тексты совсем о другом.

Л. Е. Извините, я перебила. Есенин, Мариенгоф.

Н. Б. 3. Каммингс. «Anyone lived in a pretty how town» – это прекрасно. Для меня с этого стихотворения открылся какой-то новый мир, по-моему.

4. Т.С. Элиот. «Бесплодную землю» я как-то даже переводить пыталась.

5. Сильвия Плат. «Под стеклянным колпаком» затронуло сильнее, чем стихи.

Л. Е. Любопытный порядок. А из современного?

Н. Б. Современных авторов, наверное, не стоит перечислять. Хотя, возможно, авторы, с которыми я общалась в ЖЖ на ранних этапах творчества, тоже косвенным образом влияли и на мои тексты. Мне, например, очень нравилась Мария Моргунова. Марианна Гейде. Евгения Риц. Дмитрий Зернов. Дмитрий Воденников.

Л. Е. Вы много читали?

Н. Б. Я всегда читала очень много. Много и разного. Папа всегда мне говорил, что прежде чем о чем-то судить, нужно сформировать об этом собственное

мнение, чтобы не было «Я Пастернака не читал, но осуждаю». Вот я и старалась (улыбается).

Л. Е. Вы – творческий человек и вне поэзии. Вы являетесь с творческой стороны, скажем, в «Музее кружева». Этого недостаточно?

Н. Б. Считаю ли я себя поэтом? Сложно. Определенно считала, когда активно писала. Потом не считала – считала, что настоящие поэты намного круче. Потом поняла, что никто никого не круче. Пожалуй, скорее «да», чем «нет».

Л. Е. А как будет называться Ваша следующая книга?

Н. Б. У меня была мысль, что следующую книгу можно назвать «Стать переводчиком». Это бы очень отвечало внутреннему запросу.

Литература

1. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [Б. м.] : Издательские решения, 2015. – 58 с.

2. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Литература. – 2016. – № 74. – URL: <http://litteratura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-drugie-vzroslye.html>. – Дата публикации: 19 апреля 2016.

N.S. Boeva, L.V. Yegorova

NATALIA BOEVA: «TO BECOME AN INTERPRETER»

The poet from Vologda Natalia Boeva in her interview with Lyudmila Yegorova, the editor of «Bulletin of Vologda State University», discusses her views on poetry and poetic tradition, the problem of perception, biographical moments, the book «The Sign of the Snail».

Natalia Boeva, Vologda, contemporary poetry.